

УДК 811.111

Долгополова Лилия Валерьевна

Начальник Управления воспитательной работы и молодёжной политики
ФГОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: dream_01@ukr.net

Адолина Лариса Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры «Журналистика и славянская филология»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: lar_sad@list.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ «СЕВАСТОПОЛЬ»
В «СЕВАСТОПОЛЬСКИХ ПИСЬМАХ» НИКОЛАЯ ПИРОГОВА**

В статье рассматривается языковая объективация лингвокультуры «Севастополь» как экспонента русского языкового сознания периода Крымской (Восточной) войны в «Севастопольских письмах» Николая Пирогова.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвокультура, русское языковое сознание.

Liliya V. Dolgopolova

Head of Department of educational work and youth policy,
Sevastopol National University,
Russian Federation, Sevastopol

Larisa V. Adonina

PhD of Philology,
Associate Professor of «Journalism and Slavic Philology»,
Sevastopol National University,
Russian Federation, Sevastopol

**REPRESENTATION OF A LINGUO-CULTUREME «SEVASTOPOL» IN
NIKOLAI PIROGOV'S «SEVASTOPOL LETTERS»**

Abstract. In the article, the language objectivation of a linguistic culturema «Sevastopol» is considered as exhibitor of Russian consciousness in the period of the Crimean (East) war in Nikolay Pirogov's «The Sevastopol letters».

Keywords: cognitive linguistics, cultural linguistics, a linguistic culturema, Russian language consciousness.

Для цитирования:

Долгополова Л. В., Адонина Л. В. Вербализация лингвокультуры «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Николая Пирогова // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3. С. 36–43.

События в Крыму, начавшиеся в 1853 году, глубоко волновали Николая Ивановича Пирогова — выдающегося учёного-врача, действительного статского советника, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В зрелом возрасте (44–45 лет) уже как состоявшийся врач и опытный хирург-практик он настоятельно обращался за высочайшим разрешением быть на Крымских фронтах и «употребить свои силы и познания для пользы армии на боевом поле» [1, с. 11]. Пребывание в Севастополе, самой горячей точке разразившейся Крымской (Восточной) войны, стало, по оценкам исследователей, временем прорывных идей как в области врачебной, так и сфере организаторской деятельности выдающегося учёного, гения военно-полевой хирургии, основателя отечественного Общества Красного Креста Н. И. Пирогова. Ценнейшим свидетельством событий в Севастополе тех дней являются «Севастопольские письма» Николая Ивановича Пирогова, очевидца и активного участника военных баталий на крымской земле.

С юности Н.И. Пирогова отличало проникновенное отношение к бедам ближних, словами из письма к жене: «Мы живем на земле не для себя только» [1, с. 34] — может быть определено его жизненное кредо. Верность гуманистическим принципам и беззаветное служение всегда оставались доминантами гражданской и врачебной позиции Пирогова: «...грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому Бог дал хоть какую-нибудь возможность участвовать в ней... Тому, у кого не остыло ещё сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на всё, что делается вокруг нас, смотреть односторонним эгоистическим взглядом...» [Там же].

В разгар военного противостояния в Крыму Н. И. Пирогов в составе возглавляемой им группы специалистов прибыл в действующую армию в уже обступленный франко-английскими войсками Севастополь, пережив в эпицентре событий 282 из 349 осадных дней героической обороны Севастополя. В дальнейшем в своей книге «Начала общей военно-полевой хирургии» учёный вспоминал: «Я никогда не забуду моего первого въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень в ноябре 1854 года. Вся дорога от Бахчисарая на протяжении 30 вёрст была загромождена транспортом раненых, орудий и фуража. Дождь лил, как из ведра, больные и между ними ампутированные лежали по двое и по трое на подводе, стонали и дрожали от сырости; и люди и животные едва двигались в грязи по колёно; слышались вопли раненых и карканье хищных птиц, и крики измученных погонщиков, и

отдалённый гул севастопольских пушек. Поневоле приходилось задуматься о предстоящей судьбе наших больных. Предчувствие было неутешительно» [3, с. 158]. Тягостные предощущения подтвердились сразу же при первом осмотре Пироговым госпиталей и перевязочных пунктов. Нехватка специалистов и медикаментов усугублялась ужасными условиями содержания пациентов: отсутствием коек, беспорядком в размещении больных, увеличивающим риски новых заражений и распространения болезней, игнорирование санитарных норм и противоэпидемических мероприятий. Досадовал учёный и о несвоевременном оказании помощи солдатам, «целых 10 дней почти с утра до вечера» оперируя тех, кому «операции необходимо было делать после битвы», а не спустя «2–3 недели» [Там же, с. 33], и о транспортировке раненых, которые либо «должны поневоле оставаться иногда целые дни и ночи на полу без матрацев и без белья и терпеть от перевозки в тряских телегах и по сквернейшей дороге» [Там же, с. 108], либо сотнями гибнуть в дальнем, порой и более 500 вёрст пути, либо в зимнее время получать глубокие обморожения.

Требовали неотложного решения также организационные проблемы, а именно тактики медицинской службы в сложившихся условиях. В сложнейшей обстановке Пирогову удавалось продемонстрировать как значительные профессиональные умения, так и проявить себя умелым администратором в сфере санитарно-медицинского сопровождения. Как главный хирург, независимый от госпитального начальства, Николай Иванович поставил цель найти эффективные в ситуации длительной осады города формы военно-медицинской службы. Справедливо и весьма показательно для Н. И. Пирогова, ответственно и разумно относящегося к выполнению своего дела, заключение, «что к достижению благих результатов в военно-полевых госпиталях необходима не столько научная хирургия и врачебное искусство, сколько дельная и хорошо учреждённая администрация» [3, с. 39]. Опыт практика «в деле помощи раненым и больным на театре войны» [Там же, с. 47] подсказывал Пирогову ключевую роль медицинской военной администрации, ибо даже успешно проведённые операции и искусное лечение не будут результативны в условиях плохой организации присмотра за ранеными и больными. Учёный был уверен, что в условиях военных действий от правильного врачебно-медицинского распоряжения зависит больше, нежели от искусства врачей, и «если врач не предположит себе главной целью, прежде всего, действовать административно, а потом уже врачебно, то он совсем растеряется и ни голова его, ни рука не окажут помощи» [Там же, с. 65].

Именно в период обороны Севастополя Н. И. Пирогов стал применять до него не используемую сортировку раненых ещё до стадии оказания им врачебной помощи. В соответствии с характером ранения определялись а) безнадежные и смертельные случаи; б) ситуации безотлагательной помощи

тяжело/опасно раненым; в) тяжёлые ранения при неотлагательном, но предохранительном сопровождении; г) необходимость хирургического вмешательства и дальнейшая отправка в тыл; д) лёгкие поверхностные ранения [3, с. 73]. Подобная сортировка стала существенно новым этапом в комплексе оказания помощи раненым, она позволила использовать ограниченное число врачебно-медицинского персонала с максимальной полнотой, оказывать помощь эффективно — по степени экстренности и реальной необходимости.

Именно в пору севастопольской военной кампании впервые в истории отечественной и зарубежной медицины были привлечены сёстры милосердия. Инициатором этого также был Пирогов, заручившийся помощью великой княгини Елены Павловны Романовой. Первыми в ноябре 1854 года в Крым прибыли 28 сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины. В декабре этого же года Пирогов сообщал об этих «самоотверженных женщинах»: «Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают на операциях, раздают чай и вино. Присутствие женщины, опрятно одетой и участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий» [3, с. 114]. Определяя важную функцию женской помощи раненым на поле брани Пирогов ревностно отстаивал право русских в организации этого процесса, и по поводу англичанки Флоренс Найтингейл, которая с группой сестёр милосердия также выехала на театр военных действий, писал следующее: «О мисс Найтингейл и её „высокой души дамах“ мы в первый раз услышали только в начале 1855 года... Мы не должны дозволить никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном и ныне всеми принятом» [Там же, с. 115].

Высоко ценил Н. И. Пирогов и самоотверженную деятельность своих коллег врачей, среди которых ближайшими помощниками учёного в осаждённом Севастополе были В. И. Тарасов, К. А. Пабо, А. Реберг, С. П. Боткин, А. Л. Обермиллер, Л. А. Беккерс, П. А. Хлебников, Э. В. Каде, А. И. Тюрин. в одном из писем жене он отмечал, что их «заслуги во время осады Севастополя очевидны и неоспоримы» [1, с. 132]. Пирогов свидетельствует не только о высоком профессионализме специалистов, но и их ярких личных качествах (например, коллег Николая Ивановича заслуживших особое уважение защитников Севастополя Василия Ивановича Тарасова и младшего врача морского госпиталя Владимира Сергеевича Кудрина). работоспособностью, желанием успеть оказать посильную помощь всем в ней нуждающимся поражал и сам Н. И. Пирогов. Даже в свой отъезд из Севастополя в Петербург 1 июня 1855 года он, больной, измученный физически и нравственно, надеялся «чем-нибудь способствовать перемене военно-врачебного дела в Севастополе к лучшему» (из письма к

И. В. Бертенсону) [3, с. 189]. Окончательно учёный покинул Крым в декабре 1855 года, не без чувства гордости вспоминая пережитое здесь и заслужив «право гордиться, что стойко выдержали Крымскую войну» [Там же, с. 192]. За заслуги в оказании помощи раненым и больным Н. И. Пирогов был награждён орденом Св. Станислава 1-й степени.

Краткая история пребывания выдающегося врача в осаждённом городе обосновывает то, что в текстах его писем репрезентован посредством речи фрагмент русского языкового сознания времён Крымской войны, преломленный сквозь призму индивидуального языкового сознания [1; 2]. Переходя непосредственно к анализу репрезентации лингвокультуры «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Н.И. Пирогова, следует, прежде всего, выявить её номинативное поле путём установления и описания совокупности языковых средств, номинирующих лингвокультуру и её отдельные признаки с использованием метода сплошной выборки [4]. Результаты данного этапа исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Номинативное поле лингвокультуры «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Н. И. Пирогова 1854–1855 гг.

Параметры описания лингвокультуры	Содержательные характеристики (составляющие лингвокультуры)	Частотность употребления в тексте (кол-во слов)
Номинант	Севастополь	153
Номинативное поле	Город	73
	Море	45
	Осада, осаждённый	37
	Русский (Севастополь)	14
	Страдания	26
	Крики	23
	Грязь, грязный	22
	Дым	21
	Пушки (гул)	20
	Бухты	19
	Корабли	18
	Порт	12
	Берег	9
	Крепость	7
	Бастион	7
	Уважение	18
Герой	16	
Слухи, интриги	6	

Место смерти	12
Флот	11
Война	9
Улицы	7
Гордый, гордость	5
Штурм	6
Морской город	5
Пристань	7
Крепость	3
Матросы	18
Моряки	4
Военный город	7
Укрепление	12
Северная (сторона)	9
Сапун-гора	3
Николаевская батарея	1
Дух русского народа	6
Театр войны	5
Осаждённый (город)	14
Благословенный (город)	5
Святой (город)	5
Истёкающий кровью (город)	5
Реки крови	4
Море крови	4
Хаос	3
Великая драма (Севастополя)	2
Новая Троя	3

Приведённые в таблице данные позволяют отметить, что лингвокультурема «Севастополь» при общей ёмкости произведения, равной 49419 словам, представленная в совокупности 711 языковыми единицами, является стержневой для «Севастопольских писем» Н. И. Пирогова.

В дискурсе Пирогова эксплицируется оценочная, на первый взгляд, характеристика «истёкающий кровью (город)», появляются семантические «сгустки»: страдания, крики, грязь, хаос, реки крови, море крови. Однако с учётом специфики профессионального статуса языковой личности Пирогова-врача эти экспликации следует признать когнитивными, а не образными — автор фиксирует в структуре лингвокультуремы «Севастополь» значимые для него как для врача смыслы (антисанитария, большие кровопотери в городе, высокая смертность).

Оценочные семантические блок появляются в структуре лингвокультуры там, где это касается политики. Так, в письме жене от 3 мая 1855 года Н. И. Пирогов отмечает: «Опять слухи стали надёжнее; опять говорят более, что Севастополь не будет взят. Северная сторона сильно укреплена. Да, если подумаешь, то, право, стыдно и сомневаться в успехе, имея здесь под руками двадцатитысячную армию; ещё, говорят, идёт сюда милиция из соседних губерний. Но я тебе уже писал, как здесь слухи неверны от господствующих интриг и партий; не узнаешь, наверное, и того, что под носом делается, а ещё менее того, что делается под землей, где беспрестанно и неприятельские и наши мины» [3, с. 156]. Таким образом, эксплицируется семантический компонент «город, окружённый слухами и интригами».

Для языкового сознания автора писем характерно метафорическое восприятие Севастополя как новой Трои: «Под стенами Севастополя разыгрывается ныне вторая Илиада. Если в эти два месяца ничего не решится, то, пожалуй, будет продолжаться, как осада Трои, и тогда посмотрим, какой бифштекс сделается Улиссом» [3, с. 163]. Как видим, культурная коннотация интегрируется в структуру лингвокультуры «Севастополь» на основе когнитивных характеристик «длительная осада с последующим ожидаемым падением города».

В целом, можно признать, что когнитивный компонент в структуре лингвокультуры «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Пирогова явно преобладает над образным. По итогам исследования в качестве когнитивных признаков, формирующих лингвокультуру «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Н. И. Пирогова, можно выделить: русский город у моря, с бухтами, кораблями, портом; осаждённый город; грязь, дым, хаос как образующие городской ландшафт в период обороны Севастополя; страдания, крики, смерть как признаки и последствия осады города; святой, благословенный город, переживающий великую драму, — новая Троя (развитие военных действий по сценарию длительной осады с неизбежным падением).

Лингвокультура «Севастополь» эксплицируется в тексте «Севастопольских писем» Пирогова следующим образом:

- с помощью прямых лексических дефиниций (город, страдания, крики, хаос, грязь и пр.);
- посредством имён собственных – топонимов (Северная сторона, Сапун-гора, Графская пристань и т. д.), а также прецедентных имен (Илиада, Улисс, Троя);
- через сочетаемость с признаковыми словами, имеющими в структуре значения эмоционально-экспрессивную положительную оценку (русский, гордый, благословенный город), а также с когнитивными признаковыми словами: осаждённый, истекающий кровью (его защитников) и др.;

- лингвокультурема «Севастополь» функционирует в тексте в составе устойчивых словосочетаний (реки крови, море крове, театр войны).

Литература

1. Адонина Л. В., Моря Л. А. Речевые образы Крымской войны и Севастополя в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Социокультурные исследования: история и современность: сборник научных и учебно-методических статей. М. : Перо, 2016. С. 193–202.

2. Долгополова Л. В., Адонина Л. В. Моделирование лингвокультуры «Севастополь» в русском языковом сознании периода крымской (восточной) войны на материале «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого // Традиции и инновации в изучении и преподавании филологических дисциплин в вузе и школе: коллективная монография. М., 2016. С. 339–361.

3. Севастопольские письма Н. И. Пирогова 1854–1855 гг. / Под ред. Ю. Г. Малиса. М. : Книга по Требованию, 2012. 228 с.

4. Фисенко О.С. Концепт как ментальное образование // Социально-гуманитарное знание: традиции и инновации: сборник научных статей. М. : Перо, 2015. С. 204–206.

~